

Лариса Белова

ПОДРУГА ЛИСА

Любовный роман

Лариса Белова

Подруга Лиса. Любовный роман

«Издательские решения»

Белова Л.

Подруга Лиса. Любовный роман / Л. Белова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858216-5

Возникновение дружбы между главной героиней и её новой знакомой положило начало новому витку в жизни. Любовь приходит, когда её меньше всего ждёшь.

ISBN 978-5-44-858216-5

© Белова Л.
© Издательские решения

Содержание

Театральное знакомство	6
Премьера	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Подруга Лиса Любовный роман

Лариса Белова

Стаккато чужих слов

Путает мысли.

Обрывки чудных снов —

Иллюзия жизни.

© Лариса Белова, 2017

ISBN 978-5-4485-8216-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Театральное знакомство

Прежде всего, представляюсь: меня зовут Надежда. Родилась я в Москве, где и живу до сих пор. Мне захотелось вдруг написать об одном забавном знакомстве, которое повлекло за собой череду событий, ворвавшихся в мою жизнь... и перевернувших её с ног на голову.

Произошло оно в то время, когда после невыносимо жаркого и душного лета пришла в город, наконец, осень со своей солнечно – прозрачной погодой. Непредсказуемая, как настоящая женщина, она радовала нас ещё тёплыми днями, хотя чувствовалось среди повседневной суеты её изменчивое и бодрящее первыми заморозками дыхание, приводящее в рабочее состояние разум. В театре, где работал мой сын, после летних гастролей вновь закипела жизнь, отличная от всей остальной: на сцене бушевали страсти людские, описанные и воспетые в стихах и поэмах. А вне её продолжали преобладать их мелкие и жалкие подобию: вполне обычные, земные, склочные, в которых главными составляющими были зависть и позёрство. И, всё – таки, сам театр я любила любовью бесконечно платонической, испытывая просто благоговейное восхищение перед таинством игры актёров и самого антуража, связанного с ними. Мои самые ранние и яркие детские воспоминания были связаны именно с театром, потому что мой отец в первый раз привёл меня на кукольное представление. Удивительный мир сказки привёл в неопишуемый восторг моё бесхитрое воображение и навсегда покорило своим волшебством. Но папа умер очень рано, когда я была совсем маленькой, осиротив сразу двух людей своим внезапным уходом – моя мама так и не вышла больше замуж. А в моей памяти он остался, как чудесное видение о добром и сильном человеке. Чтобы содержать нас, маме приходилось много работать, и о развлечениях думать не приходилось. По большому счёту я была предоставлена сама себе во всех отношениях. Улица мало привлекала меня и даже пугала, подружек душевных не приобрела, а потому большую часть времени после школы я посвящала книгам. И читала их запоем. Любые, какие только подворачивались под руку, это позже я уже начала выбирать. Только после четырнадцати лет познакомилась с настоящим театром, влюбившись в него раз и навсегда. Даже пыталась играть, но это был напрасный труд. В застойные годы создавалось множество молодёжных театральных студий при дворцах пионеров. В одном из них готовили вечер, посвящённый нашему известному советскому поэту, мне дали учить слова. Стихи сами по себе были неплохие, но требование повторять их на разные лады более сотни раз, вызвало у меня оскомину и отбило всякое желание выходить на сцену. Хотя, после школы я всё же окончила не меньше, не больше – ВГИК, киноведческое отделение, и работаю вот уже два десятка лет в издательстве одной не слишком популярной газетки, где освещаю новинки нашего и зарубежного кинематографа – пишу к ним небольшие анонсы, а, иногда, такое тоже случается, и обзорные статьи. Сыну моему, похоже, эта моя бескорыстная любовь к лицедейству передалась с материнским молоком по наследству. Он пошёл даже дальше меня – закончил прежде актёрский, а за ним и режиссёрский факультеты, проявив при этом недюжинные способности. Ему прочили блестящее будущее и сразу же по окончании учёбы взяли на работу в один из известнейших театров столицы, что, естественно, тешило моё материнское тщеславие и давало повод гордиться им. Но до недавнего времени он числился там всего лишь «мальчиком на побегушках», скрытым под гордым названием помощника режиссёра. Конечно, его перспективы были очень и очень неопределённые. Только плох тот генерал, что сам не познает всё с самых азов. Правда, сейчас, когда власть коренным образом сменилась, год назад пришло новое начальство, и моему Славке выпал счастливый шанс. Местные сплетницы донесли о том, что новый худрук театра работал режиссёром в Америке на Бродвее, а когда развёлся с женой, которая, кстати, сбежала от него к какому – то конгрессмену, он вернулся в Россию, где ему и предложили руководить давно сложившимся и про-

славленным коллективом. И он тут же стал интенсивно в нём всё менять, делать перестановки в составах спектаклей, что вызвало несомненный интерес у публики и положительно сказалось на кассовых сборах театра, что в последнее время было, если честно признаться, большой редкостью. Подобные действия благодатно отразились и на делах моего чада, ибо посмотрев его небольшие этюды к постановкам, Станислав Андреевич тут же предложил ему самому поставить новый спектакль, а заодно и сыграть главную мужскую роль в нём, чем вызвал великое негодование в среде театральных «мастодонтов». Но, видимо, их мнение ему было до лампочки.

Поглощённая своими воспоминаниями и мыслями я стояла за кулисами и наблюдала за репетицией первого спектакля моего сына. На неё он меня пригласил, взяв перед этим обещание, что я не издам не единой реплики, способной погубить его карьеру, делающей слабые и шаткие шаги на терновом пути к славе. Подобное означало: по – меньше общаться с актёрами, а главное – не попадаться на глаза их новому худруку, который на дух не переносил театральных критиков, к кругу коих причисляли и меня. При случае же мне вменялось в обязанность выражать только неистовый восторг игрой актёров. Работа на сцене кипела во всю, и я видела, как моему мальчику приходилось несладко. Вероятно, сказывалось отсутствие у него авторитета в актёрской среде, но, зная его упёртый характер, была надежда, что он выдержит это испытание, и у него всё получится. При этом, глядя изнутри на всю театральную «кухню», мне совсем некстати вспомнились слова булгаковского Коровьева: «Мы в восхищении, королева в восхищении». Вполне подходяще по ситуации. Похоже, что под воздействием подобных несерьёзных дум выражение моего лица было слишком уж легкомысленным, а полумрак кулис скрыл морщинки, занявшие на нём свои законные места, да, и ростом я не совсем удалась. Именно из – за этого подошедшая девочка лет одиннадцати приняла меня ошибочно за свою сверстницу, доверительно прошептала:

– Ни! Правда, прикольно, смотреть, как 45-летняя старуха изображает из себя 18-летнюю девочку-припевочку? Прямо, как моя бабуля. Та скорее умрёт, чем скажет, она старше сорока.

Я лишь улыбнулась на её столь категоричное заявление и, пожав плечами, дипломатично ответила:

– Чудеса грима дают, какой угодно эффект – и состарить могут, и омолодить.

– Ой, я тебя умоляю. Нашей приме уже никакой утюг не поможет....

И, забывшись, мы обе в голос расхохотались, на нас тут же сердито зашикали со всех сторон, так что пришлось выйти в холл. Моя спутница на только теперь, свету заметила свою оплошность, но совершенно не смутилась, а весьма лаконично оправдалась:

– Ой, извините. А я уж обрадовалась, что хоть есть с кем поговорить.

– Ну, поговорить мы и так можем, невзирая на возраст. Думаю, что это не будет нам помехой. А ты, как считаешь?

Она с облегчением кивнула и рассмеялась:

– Думаю, не будет. А пошлите в буфет, там сейчас до перерыва тихо и пусто, все заняты новеньким режиссёром.

– Что ж пошли.

И мы с моей новой «подружкой» отправились разорять местный общепит. В буфете действительно было безлюдно. Официантка шустро обслужила, принесла наш незатейливый заказ. Причём за себя девчушка расплатилась сама, с удовольствием демонстрируя свою финансовую независимость. С взаимным интересом мы смотрели друг на друга, поедая вкусные гамбургеры, единственную вещь, что умели неплохо готовить в этом заведении, обильно поливая их сверху халявным кетчупом:

– И как же тебя зовут? – наконец спросила я её, оторвавшись от вкусного занятия.

– Алиса. А вас?

– Надежда Васильевна, но можешь звать меня тетя Надя, и давай перейдём на «ты».

Алиса оценивающе посмотрела на меня и важно заявила, явно копируя кого – то из своего близкого взрослого окружения:

– Мне тоже «выканье» не нравится. Я им пользуюсь, если хочу кого –нибудь держать на дистанции. И «тётя Надя» мне не нравится, тебе не подходит совсем, – она на минуту задумалась, но это не помешало ей высказывать свои мысли вслух, – Так, значит, Надя – Надин – Ди. О’кей! Я тебя буду звать просто Ди, как принцессу Диану. А ты, что тут делаешь? Я раньше тебя здесь не встречала – у меня хорошая зрительная память – тебя бы я запомнила.

Удивлённая такой мгновенной трансформацией своего имени я лишь смогла утвердительно кивнуть в знак согласия. Увлечённо поглощая свой «фаст-фуд», Лиса продолжила своеобразное тестирование. И вопросы посыпались из неё на меня, словно горох. Пришлось переждать, когда их водопад иссякнет. Я улыбнулась ей в ответ, ведь роль старожилы больше подходила мне, но спорить не стала:

– В театр меня сын пригласил сюда.

– А кто он? Актёр? Или кто? – накрыла меня очередная волна детской любознательности.

– Он – режиссер, – скромно успела я вставить свою реплику, – И сейчас репетирует свой первый спектакль. Но я думаю, что ему просто повезло, при старом руководстве ему ещё долго бы пришлось быть на вторых ролях.

На короткое время ротик моей новой знакомой закрылся в немом удивлении, переросшее в неподдельное восхищение:

– Класс! Так наш Славик – твой сын? Супер! Я от него просто фанатею. Нет, правда! Только он слишком уж мягкий, а с нашими надо быть... У – у – х! Чтобы знали, кто в доме хозяин, – и она потрясла своим маленьким кулачком. Меня развеселила её потрясающая непосредственность, а девчушка рассмеялась вслед за мной своим колокольчатым смехом, звонким эхом, прокатившимся по пустому пространству.

– Знаешь, я думаю, он быстро научиться командовать, бороться с трудностями – это его хобби. Ты – то, сама, чья будешь? – спросила я её, вытирая слёзы, вызванные её энергичным заявлением.

– У меня тут папа работает. А мама за границей осталась, у неё там теперь новая семья.

Заметив, что её оптимизм при этих словах упал до минусовой отметки, я тут же поспешила перевести наш разговор в другое русло, так и не выяснив для себя, что же собой представляют её родители. Правда, в данный момент для меня это было уже и неважно, а чисто женское любопытство испарилось без следа. Хотелось вернуть на её лицо детскую живость и непосредственность, отвлечь от тех взрослых неурядиц, которыми мы невольно наделяем наших детей при разводе.

– А что думаешь о спектакле моего Славки?

Алиса с готовностью тут же переключилась на другую тему, как все дети, быстро забывая о своих переживаниях:

– Ещё не совсем поняла. Ведь я ещё не знаю весь сценарий, чтобы судить о нём. Уверена только в том, что исполнителей главных ролей надо поменять, – было забавно слышать взрослые рассуждения из детских уст, – А знаешь, как теперь зовут в театре твоего Славика?

– И как же?

– Би – Би – Си. Это я придумала, – простодушно похвасталась она мне, и при этом в её тёмных глазах сияла такая неподдельная радость, будто она невесть какую великую премудрость сочинила. Ох, уж эти дети!

– Это почему же? – удивилась я.

– По первым буквам его инициалов: Вячеслав Васильевич Сергеев. Как в английском алфавите. Ну, а во – вторых – он жуть, какой умный – просто ходячая энциклопедия, а поэтому – Би – Би – Си.

– А тебя, как родные зовут?

– По – разному: бабушка – Алькой или бесёнком, а папа – Ангелом...

Хотелось было спросить, как звала её мама, но я скорее зашила бы себе рот нитками, а потому лишь неожиданно выдала:

– Тогда я буду звать тебя Лисой. Хорошо?

– Пойдёт! Это потому, что я рыжая, да? – склонила она голову набок, вызывая своими ужимками у меня улыбку:

– Да. А ещё – умная и хитрая.

Она триумфально рассмеялась, довольно сверкая глазами:

– Fine! Мне нравится!

Но тут нашу увлекательную беседу неожиданно прервали, одна из молоденьких актрис разыскала нас и увела Алису собираться домой. И я про себя решала, что её родитель, скорее всего, артист из нового пополнения труппы театра.

Глядя на неё, я вспомнила о своём сожалении, что у меня не было дочери. Но, всё – таки грех жаловаться! У меня есть просто замечательный сын! Мой сын – моя единственная надежда и опора в этой непростой жизни. Все мои тревоги и мечты сосредоточены на нём. Правда, я об этом с ним не говорю, зачем грузить своими амбициями мальчика? Моя личная жизнь не задалась: после пяти лет, казалось, удачного союза отец Славика сбежал, только услышав о моей беременности. Развод прошёл для нас обоих довольно гладко и безболезненно спустя два года, и он никогда в нашей с сыном жизни больше не появлялся. Только легкомыслие молодости позволило мне на тот момент отнестись к подобному шагу относительно спокойно, но у меня появился более значимый смысл в жизни – ребёнок. Второй мой муж был значительно моложе меня и сделал благородный жест, взяв невесту с «приданным». А потом он, казалось, замер в полном восхищении от самого себя на диване и в ожидании поклонения, чего от меня, естественно, не добился. Надо отдать и мне должное – ведь его я не любила. НИКОГДА! Только на этот раз я долго ждать не стала и через непродолжительное время сбросила это обременительное для моих хрупких плеч иго. Были, конечно, скоротечные романчики, но ни к какому дальнейшему развитию не приводили. И такие отношения превратились для меня в своего рода «ловушку», потому что я с мужчинами не научилась расставаться тихо – мирно. Первый раз, когда подобное произошло, я была крайне удивлена настойчивому преследованию своего бывшего ухажёра, будучи убеждённой, что ему – то наш разрыв гораздо более выгоден и необходим, чем мне. Вот так и приходилось на своём собственном опыте избавляться от жизненных стереотипов. Для себя я сделала необходимые выводы и стала успешно избегать даже лёгкого флирта. Вероятно, поэтому мой сын так и остался «безотцовщиной», лишь на моём и бабушкином попечении, пока последняя не покинула нас, отойдя покойно во сне в мир иной. А я, помимо работы, разумеется, занялась тем, что у меня получалось пока лучше всего – воспитанием сына. Я отношусь к категории чадолубивых мамаш, правда, при этом стараюсь держать себя в руках и не перегибать палку в своей любви к Славке. Только теперь, познакомившись с Лисой, в моей душе поселилось сомнение, а не обделила ли его, лишив мужского влияния. Но даже при всём при этом не могла представить себе, как можно оставить свою дочь на руках, пусть даже самого лучшего и сверх заботливого, отца. Тем более что девочке мать, и в этом моё твёрдое убеждение, нужна в таком нежном возрасте, как никому другому. Наверно, у женского пола это в крови кого – то жалеть, кого – то оберегать. Я еле – еле дождалась возвращения Славки домой, чтобы удовлетворить своё любопытство, которое даже превысило желание спать. Но сын моих надежд на сегодня не оправдал. Иногда мне кажется, что в нём я вижу себя, как в зер-

кале, правда, скорее всего на внешнем виде наше сходство и заканчивается. Его патологическая отстранённость от жизненных мелочей, была явно не моей чертой, переданной ему в генах. Так, что о своей юной подружке ничего интересного я так и не узнала. Но получилось, как раз наоборот, это я обогатила Славика своей информацией о высказываниях Алисы по поводу его работы. Он глубоко задумался над её словами, чем вызвал у меня крайнее изумление – чтобы мой сын прислушался к мнению маленькой, абсолютно чужой ему девчушки! Но дело обстояло именно так, и он весь дальнейший вечер вычерчивал какие – то мудреные схемы в перестановки артистов, участвующих в дебюте. За этим занятием он выпил, похоже, не один литр кофе. Зная его просто феноменальную увлечённость работой, я прервала её, когда сама собралась спать, иначе Славка способен был заснуть прямо за столом, буквально откнувшись носом в своё творчество.

Его ночная работа принесла свои плоды, и новый скандал не замедлил себя ждать, разразившись в театре после его глобальных перестановок актёрского состава грандиозный, поднялся невероятный крик среди старшего поколения. Но Славку неожиданно вновь поддержал новый худрук. Конечно, сомнительно было бы назвать это защитой, так как он пообещал в случае провала постановки выгнать моего сына из театра с «волчьим билетом».

Журналистская жизнь диаметрально разная: то сидишь целый день за столом, напрягаешь спину и долбишь по клавишам компьютера, то бегаешь по улицам в поисках занятой сенсации пока не упадёшь на ходу. Вскоре у меня и случился такой день великих походов по залам кинематографов для обзора в газете. Ноги уже гудели от усталости, когда вдруг зади раздался радостный детский возглас:

– Ди, привет! Как я рада тебя видеть!

Я успела лишь обернуться, когда в мои объятия ворвался рыжеволосый вихрь:

– Лиса! Вот так сюрприз! Ты какими судьбами здесь.

– Шла из школы и вдруг увидела тебя! Правда, здорово!

– Я тоже рада тебя видеть. Ты торопишься или сможешь составить мне компанию за обедом?

– Конечно, я с тобой! Без вариантов. Я же свободный человек.

– Твои не будут волноваться?

– А – а – а... Некому, – безнадежно махнула Лиса рукой, – Бабуля в салоне марафет наводит, а папка, как всегда, на работе до самой ночи.

– Тогда пошли!

При первом же нашем знакомстве меня привлекла в этой рыжеволосой девчушке природная прямота и бьющая через край жизнерадостность. Моё предложение Алисе посидеть и отметить нашу встречу в ближайшем кафе с порцией вкусного мороженого вызвало бурю восторга у девчушки. В арсенале маленькой подружки накопилось для меня много весьма разнообразной информации. Вероятно, дома ей не с кем было поделиться, и она с большой охотой и доверием выплёскивала на меня всё, что желала её душа. Я же всегда была хорошей слушательницей, только мой взрослый сын уже не нуждался во мне так, как прежде. Поэтому нас с Лисой объединила ещё и общая проблема одиночества. В кафе мы взяли кроме мороженого ещё по пирожному, а также заказали по стакану сока и, конечно, я не обошлась без фирменного «эспрессо». Я с удовольствием провела бы в её обществе неопределённое количество времени, но тут мне позвонили по мобильному и напомнили о неотложной встрече. Пришлось оторваться от милой стрекотни Алисы. Но на сей раз мы с ней догадались обменяться номерами телефонов, чтобы больше не теряться.

Каждое утро я смотрю на своё отражение в зеркале, как сегодня, и вижу в нём не утешительную для женщины за сорок картину. Взгляд у меня уже с утра усталый, словно я всю ночь не смыкала глаз, совершая непосильный и каторжный труд. А губы! В их выражении будто застыла извечная печаль! И я знаю причину этого феномена – чуть опущенные уголки

моего рта – вот в чём всё дело. А Вы разве не замечали, что на фотографиях популярных людей, вид счастливый и беззаботный, хотя это, возможно, и далеко от истины. И я утверждаю – всё дело в положении уголков губ. Как бы мне хотелось изменить его у себя! Говорят этого можно достичь простой тренировкой, но по собственному опыту я берусь утверждать, что это далеко не так. Правда, мой сын утверждает, спасибо ему, что такой молодой и красивой матери ни у кого из его окружения нет. Меня иногда принимают за его старшую сестру, что, прежде, в детстве его страшно бесило, а в настоящее время наоборот – забавляло. Конечно же, его мнение очень и очень субъективное, но всё же приятно, что твой сын считает тебя эталоном красоты. Я же склонна к другой трактовке моего феномена, более простой и жизненной: маленькая собачка – до старости щенок.

Серое осеннее утро плавно перетекло в серый рабочий день, который тоже грозил уже закончиться. Но всё же один лучик уходящего солнца достался и мне: позвонила моя милая Лиса, выложив кучу своих важных сведений, в том числе и из театра, куда в последнее время я совсем не могла выбраться. Главное, что я успела уловить из всей лавины её новостей, было то, что у моего Славки скоро ожидалась премьера спектакля. Вот так всегда – мать обо всём узнаёт последней! Как это похоже на моего беспечного сына! Боюсь, что и со своей будущей женой он меня также познакомит, поставив перед уже свершившимся фактом. После того, как они зарегистрируют свой брак. Прочирикав со своей «подружкой» ещё пару минут, я совершенно закончила свою работу, так как мне собственно приходилось вставлять в наш с ней диалог лишь междометия, не переставая печатать очередную статейку. Конечно, дома, дождавшись Славку, я устроила ему головомойку, на что тот привёл мне только один разумный довод – хотел сделать мне сюрприз. И он совсем не виноват, что у меня есть в театре свои собственные информаторы, а билет на его первую премьеру для меня давно лежит готовый вместе с приятным бонусом – приглашением на банкет. Сын вздохнул и невесело пошутил:

– Будет у спектакля успех или нет, а у меня соответственно работа – неизвестно, так хоть наедемся от души. За всё платит шеф.

Вздохнув, я пригнула голову своего родного упрянца к себе и поцеловала в утешенье его небритую щеку:

– Всё будет хорошо, ребёнок. Сомнения и волнение – это нормально. Давай – ка лучше, пойдём на кухню и попьём чайку.

Премьера

Премьерная суббота настала раньше, чем хотелось. Погода, словно, сделала исключение и была на редкость для московской осени сухой и тёплой. Театр, освещённой яркой иллюминацией, был переполнен. Ко мне, несколько растерявшейся в многоликкой и громогласной толпе, протолкался сын и поспешил отвести на место:

– Не ожидал, что столько будет народа, – нервно оглядывая публику, произнёс Славка.

– Успокойся, ради Бога! Всё пройдёт хорошо, – уверила я его, скрестив за своей спиной пальцы наудачу. Кивнув мне головой, он убежал за кулисы. Спасительная темнота поглотила зал, разделила мгновения на «до» и «после». Сейчас, увидев спектакль уже в завершённом виде, я была просто счастлива тем, что его создателем оказался мой сын. Славка, действительно, вырос в исключительно талантливого человека, предвосхитив все мои ожидания. Очнувшись от бешеных оваций, раздавшихся вдруг со всех сторон. И, как в тумане, под конец увидела счастливое лицо сына, вышедшего на поклон. После множества произнесённых поздравлений, естественно, организовали всеобщий банкет, решив провести его тут же прямо на сцене, а не как обычно – в ресторане. Зная привычки театральной богемы, я постаралась в этот вечер не подвести сына и надела лучшее своё жемчужно – серое платье допустимой длины до колен, обошедшееся мне по жутко высокой цене, макияж наложила в пределах разумного. Из украшений к моему наряду подошли серебряные длинные серьги с лунным камнем – мой талисман. Вообще, сегодня я понравилась самой себе в зеркале – получилась вся такая сияющая и сверкающая, одним словом – эффектная «штучка». На фуршет, как сын и говорил, проставился их новый художник и оказался весьма щедрым человеком, судя по тому изобилию и качеству питья и закуски, от которых ломились импровизированные столы. Мне хотелось хоть одним глазком увидеть этого мецената, я всё же была ему бесконечно благодарна за моего сына... Но Славик, оглядев с высоты своего роста окрест, признался, что не видит своего шефа, хотя и пообещал при первой же возможности меня с ним познакомить, взяв с меня слово, не приставать к тому с глупыми вопросами. Я не успела выразить ему своё возмущение, как он уже исчез вслед за одной милой брюнеткой, бросившей на него кокетливый и заинтересованный взгляд. Но скучать мне не пришлось: на место моего «сокровища» почти сразу же нашлась достойная замена, подлетела моя старинная приятельница Полина, с которой мы знали уже тысячу лет. Главным её достижением было то, что за время нашего знакомства она успела сменить несколько мужей, а соответственно, и работ, так как на каждое новое место её всегда обеспечивал очередной муж. В настоящее время она как раз работала в администрации театра, хотя кем, убей меня гром – не помню. Пробивная Полина сунула мне отвоёванный одноразовый стаканчик с мартини в руку:

– Поздравляю, подруга! Всё просто шик – блеск. Давай, выпьем за прекрасное начинание твоего сына.

– Спасибо, Полина, – поблагодарила я её и отпила янтарного напитка, приятной теплотой разлившегося по телу. Уже во всю мощь звучала музыка, молодёжь самозабвенно под неё вытанцовывала, а мы спокойно потягивали свой мартини, мило обсуждая сегодняшний вечер, успех постановки, ну, и, разумеется, сплетничая обо всём и обо всех. В какой – то момент у меня вдруг появилось странное ощущение, что за мной наблюдают. Оглядевшись вокруг, невдалеке я заметила мужчину в светлой «тройке», сидящего одиноко на каком – то возвышении из декораций и пристально смотрящего в нашу сторону. На него падал свет софитов, превращая его фигуру в иллюзорный фантом. У меня были сомнения насчёт правильности моей догадки, дым от сигарет застилал оставшееся свободное пространство, делая мир призрачным, нереальным. Только они тут же развеялись, когда он, заметив мой взгляд на собственной персоне, поднял в знак приветствия свой бокал и подмигнул, словно

мы были давно знакомы. Кивнув растерянно ему в ответ, я отвернулась, полагая, что незнакомец, скорее всего, обознался и ошибочно принял меня на расстоянии за одну из своих подруг.

Музыка мешала нашим с Полиной попыткам общения, и мы благоразумно решили перебазироваться вглубь сцены, где было относительно тише. Но при этом отступлении я столкнулась с тем самым неизвестным, что проявил ко мне излишний интерес, и содержимое из моего стаканчика неотвратимо выплеснулось на его светлый пиджак. Я успела лишь ахнуть от неожиданности:

– Извините, пожалуйста...

Но он остановил поток моих извинений, беспечно махнув рукой:

– Пустяки!

– Может всё – таки солью посыпать? – с излишним вниманием вглядываясь в мокрое пятно, предложила я.

– Пожалуй, я прислушаюсь к вашему совету, – он удивлённо посмотрел на меня, на свой пиджак и отошёл к накрытому столу в другой конец зала. В моих висках, словно застучали маленькие молоточки. Глядя в спину уходящему мужчине, я машинально допила остатки мартини. Шедшая впереди Полина не заметила инцидента, происшедшего со мной. Я поспешила догнать её, и мы благополучно достигли желанного уголка. Спиртное позволило расслабиться, и рассеять тревоги беспокойного вечера. Приятельница увлечённо передавала новые слухи театральной жизни, только я слушала их не совсем внимательно – это была не моя тема, ведь даже в журналистике существовало строгое своего рода табу – не заходить на чужую территорию.

Я почти сразу же забыла о незнакомце и уже подумывала над тем, под каким бы пристойным предлогом или просто тихо, по-английски улизнуть с этой вечеринки, а потому не обратила внимания, как прежний грохот «техно» перешёл на плавную и дивную мелодию французского шансонье. Но вдруг увидела, как заметно округлились и без того большие глаза моей приятельницы, смотревшие на кого – то позади меня, а рот её механически открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег, не производя при этом ни одного звука. Вновь обернувшись, совсем близко около себя я увидела своего загадочного «визави». Мне показалось, что в лицо повеяло жаром знойного ветра с азиатских песков. Мне достаточно было одного только взгляда на него, чтобы перехватило дыхание, и сердце замерло в ощущении прыжка с головокружительной высоты. Среднего роста, и скорее художавого, подчеркнута аристократического, телосложения он выделялся из толпы своим светлым безупречным костюмом, но ни цвета его глаз, ни цвета густых волос в полутьме сцены нельзя было разглядеть, лишь тонкие губы приветливо растягивались в улыбке, образуя лёгкие лучики морщинок около глаз и чувственного рта. Непостижимым образом этот человек мне показался очень знакомым, только я не могла вспомнить, где же его видела прежде.

– Добрый вечер, милые дамы. Пожалуй, здесь неплохо всё получилось, – непринуждённо поздоровался незнакомец с нами и затем обратился непосредственно ко мне, – Вы разрешите пригласить вас на танец?

В некотором замешательстве я согласилась, подчиняясь его непостижимому магнетическому притяжению. Отдав свой импровизированный «бокал» Полине, я позволила ему увести себя. Чувствуя даже сквозь одежду тепло, исходящее от рук этого мужчины, я следовала за ним практически на «автопилоте», а попав в тесную компанию танцующих, нашла в его лице единственную для себя опору. Голову приятно кружило, и так безудержно тянуло прижаться к его плечу, что я едва сдержала свой невольный порыв. Горячие руки мужчины обнимали меня властно и увлекали за собой, от него исходил неповторимый аромат дорогого мужского одеколona, почти неуловимого, такого, как мне нравился, и сигарет, хотя я и не видела, чтобы он курил, и дорогого коньяка. Он слегка нагнул свою голову к моему лицу

и негромко зашептал на ухо, касаясь губами самой его мочки и снова приводя меня в состояние необъяснимого восторженного трепета от низкого бархатного голоса и нежных слов:

– Сегодня и впрямь необыкновенный вечер. Я уж приготовился скучать и тут увидел вас. Как вы чудесно двигаетесь... Вы похожи на речную волну: такая же неуловимая, манящая... Вы очень вовремя пролили на меня своё вино.

– Мартини, – поправила я его.

– Чего же тогда переживали? Мартини не оставляет следов.

– На всякий случай...

– Кто вы, Ундина? Я вас раньше не видел здесь, значит, вы – не актриса. Их – то я знаю практически всех. Вы пришли с кем – то? – его голос буквально заволакивал меня, втягивая в опасную игру увлечения.

– Меня пригласил родственник, – неопределённо ответила я, собрав остатки разума и отвечая таким образом на все его вопросы сразу. На тот момент мне казалось брали в расчёт то, что сын является режиссёром удавшейся премьеры, было бы не очень уместно. В свою очередь я терялась в догадках, кем же был мой партнёр.

– А...а... родственник. Надеюсь, что он старый и дальний, – задумчиво протянул он, но сам не дал мне ни времени, ни шанса поразмыслить над своей загадкой:

– А у меня есть конструктивное предложение: хотите, я вам покажу наш театр?

Всё ещё чувствуя себя загипнотизированным кроликом, я лишь смогла пожать плечами, что мужчина принял за согласие. Незнакомец легко и непринуждённо вывел меня с танцпола, по – прежнему крепко обнимая за талию и уверенно продвигаясь вперёд между танцующих пар. Вокруг ещё сильнее клубился сигаретный дым, слышался мерный людской гомон, но для меня существовал сейчас только голос этого мужчины, которому я – особа, всегда независимая от чужой воли, странным образом подчинялась. Мы миновали знакомые уже мне кулисы, и он по – хозяйски показывал то одно, то другое. Я уже совершенно потерялась и не понимала, куда он меня завёл во тьме всех этих театральных лабиринтов, пока мы не оказались в каком – то ещё более тёмном и тесном помещении. Внезапно повернувшись мне навстречу, он жадно и нетерпеливо привлёк к себе, запрокинув голову, властно накрыл своим ртом мои губы, раздвигая их своим искусным языком, проникая дальше, вглубь. А мои руки вместо того, чтобы возмущенно оттолкнуть наглого типа, предательски обхватили его за шею, тем самым ещё ближе привлекая к себе и путаясь в гуще его тёмных волос. Моё тело, охваченное внутренним огнём, прижималось к нему с незнакомой мне до сих пор страстью. Этот поцелуй был для меня, как глубокий обморок, но так же внезапно пришло и отрезвление, когда я почувствовала у себя под одеждой на оголённой коже его ищущие жаркие руки, которые пытались стянуть мои кружевные «мини – бикини», двигаясь дальше и ниже. Мои тонкие чулки не были для него препятствием и совсем не мешали ему для достижения цели. Только тут моя природная строптивость проснулась и взбунтовалась, а я нашла в себе силы оттолкнуть его от себя. В его действиях не было грубости, но всё-таки секс с чужим мужчиной в первый же вечер, даже не знакомства, а случайной встречи, для меня был абсолютно не приемлем. Вид у нас обоих был ещё тот: у меня – платье было задрано почти до пояса, у незнакомца оказались расстегнутыми уже и брюки, и рубашка, ниже я не рисковала и взглянуть. Его пиджак, который я в неосознанном порыве с него успела скинуть, светлым пятном виднелся на полу под нашими ногами. Тяжело дыша, как после марафонского забега, мы оба в обоюдном изумлении уставились друг на друга, только причины, вызвавшие его, были у нас разные. Наконец, ничуть не смутившись беспорядком в своей одежде, он хриплым голосом недоумённо спросил:

– В чём дело? Что случилось?

Я наскоро оправляла на себе платье, избегая даже смотреть на него, и мало – помалу отступала в сторону двери, от которой падала узкая полоска света:

– Ничего. Извините, между нами произошло недоразумение... кажется... Вы меня неправильно поняли. Я немного выпила и была не в себе, когда позволила вам целовать себя. Мне правда жаль, что не оправдала ваших надежд, но уверена – за вечер вы ещё успеете найти подходящую замену. А мне пора, – пробормотав скороговоркой всё это, я пулей вылетела из того чулана, куда мужчина меня затащил, оставив его в том же положении.

– Ундина, постойте, – раздалось сзади, но я не обернулась на его призыв. Каким – то чудом мне удалось выбраться из потёмков, лишь пару раз ударившись о невидимые препятствия. В голове стучала одна – единственная мысль: «Домой, только домой! За кого он меня принял, тиская там в темноте?» Об этом я боялась даже думать. Стыд немилосердно жёг мне щёки. Но по пути к выходу меня остановил сын:

– Мамуль, ты, куда так спешишь? Мне сказали, что где – то здесь видели шефа. Подожди, сейчас я его найду и, наконец, познакомлю вас. Он, правда, классный мужик!

В ожидании его, я подошла к ближайшему зеркалу, чтобы привести себя в порядок, и едва узнала красивую женщину, отобразившуюся в нём вместо меня. Тут послышался голос сына, который радостно окликнул меня, и я перед собой увидела того самого незнакомца, с которым только что целовалась в театральной подсобке. Надо было отдать должное, он успел привести себя в нормальное состояние, лишь на пиджаке были заметны кое – где грязные пятна – следы нашего с ним randevu. Мои губы ещё горели от его неистового поцелуя. Он шёл чуть впереди Славы, через плечо что – то ему серьёзно объясняя. На слова моего чада:

– Познакомьтесь, это моя мама – Надежда Васильевна, – он обернулся с готовой доброжелательной улыбкой ко мне и замер, подвижное его лицо, будто превратилось в маску, но Славик, ничего не заметив, продолжал, – А это, мамочка, мой шеф – Станислав Андреевич.

Мы машинально протянули друг другу руки, и он, пытаясь скрыть удивление, столь очевидно выразившееся на его живом лице, учтиво и непринуждённо склонился к моей кисти, и я вновь ощутила обжигающее прикосновение его губ на своей коже. Он продолжал удерживать её и совсем не торопился выпустить из своей горячей ладони, так, что мне самой пришлось её у него выдернуть почти силой. Наверно, со стороны это выглядело нелепо, а может даже и грубо, но Станислав Андреевич продолжал смотреть на меня безмолвно, словно я была очень интересным экземпляром, до сих пор ему не встречавшимся. Я же, достаточно оправившись от своего потрясения, взялась сама разрешить для нас неловкую ситуацию и протараторила самую бессмысленную свою речь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.